

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ УГРОЖАЮЩЕГО ХАРАКТЕРА

Иллокутивы угрожающего характера являются одной из разновидностей в системе речевых актов всякого национального языка. Их использование в процессе интеракции отражает иерархический характер взаимоотношений говорящих и указывает на наличие (реальных либо потенциальных) различий в осуществлении некоторого события «р».

В толковых словарях угроза трактуется как запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло, неприятность, как возможная опасность возникновения чего-нибудь тяжкого, неприятного [Ожегов, 1989, с. 823]. Даль В. так же определяет угрозу [Даль, 1980, с. 470]. Угрожать, по его мнению, значит страшать, наводить опасность или опасенье, держать кого-либо под страхом, под опаскою, заставить убояться чего-либо, покориться; произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-либо.

Целью угрозы является изменение поведения собеседника, вызывая у адресата чувство страха и посредством этого воспрепятствовать действию или намерению его реализации адресатом, либо эксплицитировать косвенно негативную оценку совершенного факта или события. В случае неисполнения требования, за которым следует угроза, говорящий оставляет за собой право применения определенных санкций. Интенция говорящего, или его намерение, заключается в данной ситуации в вероятности приведения в действие своей угрозы в случае невыполнения или несоблюдения адресатом каких-либо желаемых или предпочтительных действий с точки зрения адресанта. Угроза не характерна для ситуации официального общения и для общения с людьми более высокого социального статуса. Если адресант, обладающий более низким социальным статусом, употребляет речевые акты угрожающего характера в ситуации общения с человеком с более высоким социальным статусом, то на момент общения эти социальные различия как бы виртуально нейтрализуются, и говорящий ставит себя в равное со своим собеседником положение в аспекте социальной субординации. Порой такое речевое действие может иметь последствия для дальнейшего социального положения говорящего. Это говорит о том, что употребление речевых актов угрожающего характера в ситуации общения с людьми, обладающими более высоким социальным статусом, явление редкое и имеет место в крайних, критических ситуациях, когда говорящий вынужден прибегнуть к такого рода речевым действиям в связи с несправедливым к нему отношением вышестоящего лица или же другого рода нарушениями его прав и свобод со стороны лиц, занимающих руководящие посты. Это касается в большинстве случаев личного или непосредственного использования угрожающих высказываний в подобных ситуациях общения, и не всегда справедливо при использовании угроз посредством телекоммуникационных каналов (по телефону, факсу, электронной почте), что предусматривает анонимность адресанта по его желанию. Высказывания этого рода всегда категоричны, не терпят возражений и, как правило, эмоциональны. Иногда угрозы заменяются жестами, например, погрозить ребенку пальцем. Грубый мужской или молодежный жест – погрозить кулаком. Зачастую угроза может носить формальный характер, в зависимости от ситуации может быть либо угрозой, либо угрожающим предупреждением. Как правило, в нашей повседневной жизни мы имеем дело со скрытыми, имплицитными угрозами, и, следовательно, не всегда в речевом акте угрожающей направленности говорящий актуализирует те штрафные санкции, которые он может применить в случае невыполнения каких-либо требований или неповиновения им. Однако говорящий в данном случае уверен в том, что слушающий осознает реальную вероятность их применения, догадывается об этих штрафных мерах, поскольку они, по мнению говорящего, скорее всего, находятся в presupпозиции слушающего в результате его жизненного опыта, поэтому он не считает нужным эксплици-

ровать их в очередной раз. Сама по себе угроза, следовательно, представляет собой речевые действия, направленные на иницирование или торможение разных форм активности партнера по коммуникации.

Угрозы, как уже говорилось, обычно социально обусловлены, в них имеются конвенции, определяющие условия реализации. Отношения ролевых статусов отражаются, в частности, в глаголах интерпретации: так, *я тебя накажу* предполагает скорее ролевое отношение, направленное сверху вниз (мать ребенку, начальник подчиненному); *я тебя убью* допускает двунаправленное отношение; угрозы, предполагающие отношение снизу вверх являются скорее нетипичными, хотя и возможными с учетом ситуации и эмоционального и психического состояния коммуниканта. Следовательно, ролевые статусы могут быть не только социально, но и ситуативно обусловлены, отражая отношение между участниками диалога в данном месте и времени и с учетом эмоционального состояния говорящего и адресата. Однако и здесь соблюдаются известные конвенции.

Конвенциональными являются и реакции на угрозы, которые семантически связаны с различными ее элементами: иллюкутивной целью – внушить страх (ср. *я тебя не боюсь*), реальной неспособностью субъекта совершить действие угрозы (*подумаешь, храбрец*) и др. Последний вид угрозы, когда субъект не способен по зависящим или независящим от него причинам выполнить в действительности действие угрозы, скорее можно назвать «псевдоугрозой». Говорящий в данном случае хотел бы изменить поведение адресата, возможно и путем запугивания, но по известным причинам не может выступать гарантом реализации своих намерений. По всем прагматическим, семантическим и просодическим характеристикам эта «псевдоугроза» является настоящей угрозой, но в то же время в связи с какими-то (известными обоим участникам интеракции) обстоятельствами не воспринимается как реальная.

А вот с юридической точки зрения, угрозой является высказанное в любой форме (устно, письменно, по телефону, телефаксу, телеграфу или иным путем) намерение нанести физический (убийство, увечья), материальный или моральный (ограничение свободы, разглашение нежелательных данных) вред общественным или личным интересам. Угроза должна быть конкретной, т.е. должно быть ясно, чем именно, каким образом, какими действиями лицо намерено ее выполнить. Угрозу необходимо считать оконченной с момента произнесения ее в присутствии потерпевшего или других лиц либо – при выражении угрозы в письменном виде – с момента ознакомления с ней потерпевшего или других лиц. Для взаимодействия говорящего и адресата существенны их социально обусловленные ролевые статусы (начальник – подчиненный, взрослый – ребенок и т.п.), но, кроме того, на прагматическую ситуацию угрозы влияет ситуативный ролевой статус говорящего – адресата, а именно, отношение, определяющее направление зависимости в данной ситуации (которое может не совпадать с социально-ролевыми зависимостями), а также эмоциональное состояние участников интеракции.

Со стороны адресата возможны два пути развития коммуникативной ситуации общения: во-первых, признание угрозы и прекращение действия или намерения (именно этого и ставит своей задачей адресант), либо приведение контраргументов с целью нейтрализации угрожающего высказывания, и во-вторых, непризнание угрозы и последующая линия поведения в соответствии с намерением адресата (что является коммуникативной неудачей в актах угрозы). Перлокутивный эффект при угрозе также определяется ролевым статусом говорящих. Так, реакция на угрожающее высказывание может быть противоположной у разных адресатов.

Многие глаголы, обозначающие предосудительные коммуникативные цели (в том числе «угрожать») не допускают перформативного употребления; они описывают не само действие, а лишь иллюкутивную цель или перлокутивный эффект. Ср. угроза: *Я тебе голову оторву*, но не: **Я тебе угрожаю оторвать голову*. Это то, что З. Вендлер назвал «иллюкутивным самоубийством» [Вендлер, 1985, с. 243]. Для глаголов *грозить*, *угрожать* возможно лишь неперформативное употребление: *Он пригрозил меня убить*. Специального модуса угрозы не существует.

Ряд лингвистов придерживаются мнения, что при описании речевых актов угрожающего характера целесообразно соотносить их с речевыми актами обещания, поскольку у них много общего (отнесенность к будущему, ряд особенностей ролевой структуры). Только условия реализации речевых актов угрожающего характера противоположны тем, которые характерны для речевых актов обещания: адресат не заинтересован в осуществлении того, о чем идет речь. Что же касается «искренности» говорящего, то она обязательна в речевых актах угрожающего характера, так как если говорящий не будет рассматривать то, чем он угрожает, как крайне нежелательное для адресата, то, собственно, угрозы не будет.

У речевых актов угрозы общая с речевыми актами обещания отнесенность предмета речи к буду-

щему. Но в отличие от обещания автор угрожающего высказывания не выступает как гарант реальности будущего события. Он порой может угрожать и событием, совершение которого от него не зависит: *Он тебе задаст*. Поэтому для речевых актов угрожающего характера нет ограничений в наборах ролевых структур высказывания, характерных для речевых актов обещания.

Наличие у обещаний и угроз ряда общих структурно-семанти-ческих особенностей и вместе с тем различие по признаку «+/-» отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания делают возможным употребление речевого акта, являющегося по формальным признакам угрозой, в качестве обещания и наоборот. Несоответствие между формальной предназначенностью высказывания и его употреблением порождает стилистический эффект (аналогичный эффект при сходном смещенном употреблении именных наименований: «разбойник» как ласкательное имя и «мой славный» при угрозе).

КАФЕДРА «ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ»